
ФИЛОСОФИЯ*(шифр научной специальности: 09.00.03)*

УДК 101

Б.И. Буйло*Юридический институт Российский университет
транспорта (МИИТ)**г. Москва, Россия*

builobi@mail.ru

**ЕВРАЗИЙСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА
И ОТНОШЕНИЕ К НЕЙ Н.БЕРДЯЕВА****[*Boris I. Builo Eurasian concept of the Russian state
and N. Berdyaev's attitude towards it*]**

The ambiguous and generally contradictory approach to the topic of Russian statehood in the works of Eurasians is studied. Considering the possible future ways of changing power in Soviet Russia, the Eurasians believed that the immediate transition of power from the Bolsheviks to the Eurasians would be the most favorable for them, as it would allow them to immediately begin building on the principles of the Eurasian concept of a new Russian state. It is based on the ideology of ideocracy or ideocratic state. At the same time, the Eurasians considered the Soviet regime established in Russia by the Bolsheviks to be the most favorable for ensuring the direct connection between the ruling layer and the people. Therefore, they stressed the need to preserve this power in Russia and in the future. The main positive value of Eurasianism, according to Berdyaev, is that it is essentially the first and "only post-revolutionary ideological direction" that arose in the emigrant environment. The Eurasians, as emphasized by N. Berdyaev rightly pointed out the danger of the capitalization of Russia, but understood it basically only in terms of Europeanization. Critically assessing the views of the Eurasians, N. Berdyaev noted that Russia needs a new personalistic revolution. It will not be a social but a moral and spiritual revolution that radically transforms and spiritualizes a person's personality.

Key words: Eurasianism, ideocracy, Europeanization, etatism, autocracy, idea-ruler, personalistic revolution.

В творчестве евразийцев можно отметить неоднозначный и в целом противоречивый подход к теме российской государственности. Представители правого и левого крыла евразийского движения с прямо противоположных позиций оценивали появление нового государства-СССР на территории прежней России и роль большевиков в этом процессе. Тем не менее, анализ программных документов евразийского движения, а также работ его наиболее известных представителей позволяет составить более или менее целостную картину их взглядов по исследуемой проблеме.

Рассматривая возможные в будущем пути смены власти в Советской России, евразийцы считали, что непосредственный переход власти от большевиков к евразийцам был бы для них наиболее благоприятным, так как позволил бы немедленно приступить к построению на принципах евразийской концепции нового российского государства. Ее основу составляла идеология идеократии или идеократического государства. «Государство, – писал Л.П. Карсавин, – должно быть идеократическим, идеократией; условием же идеократии является демотичность власти» [7, с. 194]. Демотичность власти, в отличие от западной демократии, предполагает, что государством правит специально подобранный для этого слой, который осуществляет власть в интересах всего народа.

По мнению евразийцев, государство должно быть органической целостностью, объединяющей на основе культуры как соборную, так и индивидуальную личность. В нем не может быть никаких негосударственных организаций или объединений.

Поэтому многопартийная система здесь формально не запрещается, ей просто нет места. «Культурно-государственная идеология, – подчеркивал Л.П. Карсавин, – устанавливает основные принципы и задания культуры и ставит их в связь с переживаемым культурно-государственным моментом, являясь, таким образом, необходимою базой, на которой производится конкретная государственная работа и которая сама должна и может служить основанием для индивидуальных построений» [7, с. 199]. То есть фактически культура выступает стороной государственной жизни.

Евразийцы отмечали, что представители либерально-демократических взглядов, естественно, обвинят их в этатизме и «неслыханном» засилье государства. Но, считали они, система западной демократии в принципе исключает возможность участия народа в управлении государством. Это участие фактически сводится к тому, что раз в несколько лет население голосует за предлагаемых ему кандидатов и партии. При этом и те и другие за редким исключением могут участвовать в выборах только при условии их финансирования крупными экономическими структурами, чьи интересы они и будут выражать в первую очередь. Поэтому деятельность партий здесь напоминает театрализованное представление с режиссером в виде экономически господствующей верхушки общества.

Все построено таким образом, чтобы создавать в массах видимость их участия в управлении государством, но чтобы эта видимость никогда не могла стать реальностью. «Вся государственная власть [в демократических странах – Б.Б.], – подчеркивал Л.П. Карсавин, – сконцентрирована в небольшом и оторванном от народа правящем слое, на авансцене которого вертятся парламентарии и журналисты, а за кулисами вертятся чуть ли не все банкиры» [7, с. 201]. Однако поскольку правящий в демократической стране слой должен все свои решения утверждать в парламенте, где множество партий борются друг с другом, доказывая свою необходимость обществу, то сама власть оказывается неорганизованной и хаотической.

Многопартийность выступает гарантом от деспотизма власти, но она же делает ее крайне слабой. При демократии отбор в правящую элиту в сфере политики осуществляется через избирательную компанию, в экономической сфере – путем конкуренции. Так как в правящий слой здесь неизбежно входят члены разных партий и группировок, представляющих часто противоположные убеждения и взгляды, то возможность единого, основанного на общих принципах руководства, фактически исключается. Поэтому государство, в лице его политической власти, старается минимально вмешиваться в общественную жизнь, предоставляя ее регулирование частному капиталу и финансируемой им прессе.

Идеократия представляет принципиально иной подход в организации и управлении обществом. «Под идеократией же, – считал Н.С. Трубецкой, – разумеется строй, в котором правящий слой отбирается по признаку преданности одной общей идее-правительнице. Идеократическое государство имеет свою систему убеждений, свою идею-правительницу [носителем которой является объединенный в одну-единственную государственно-идеологическую организацию – правящий слой] и в силу этого непременно должно само активно организовать все стороны жизни и руководить ими. Оно не может допустить вмешательства каких-либо не подчиненных ему, неподконтрольных и безответственных факторов – прежде всего частного капитала – в свою политическую, хозяйственную и культурную жизнь и потому неизбежно является до известной степени социалистическим» [8, с. 518-519]. Естественно, что термин «социалистический» в данном случае князь Н.С. Трубецкой употреблял не в смысле синонима западного учения, а в качестве аналога системы государственного управления, действовавшей в Советской России.

Идея-правительница при этом не может быть набором каких-то идеологических постулатов. Она должна выражать совокупный интерес или то что называется благом для всех народов, населяющих автаркический особый мир. Под последним понимается мир, представляющий собственную цивилизацию, существующую параллельно с другими цивилизациями. «Из этого следует, отмечал Н.С. Трубецкой, что территория подлинно идеократического государства непременно должна совпадать с каким-нибудь автаркическим особым миром. К тому же следствию приводит и связанное с понятием идеократии требование планового хозяйства и государственной регулировки культуры и цивилизации, так как требования эти успешно могут быть выполнены только при условии автаркии идеократического государства» [8, с. 522].

В соответствии с формулированным выше подходом евразийцы считали Советскую власть, установленную в России большевиками, наиболее благоприятной для обеспечения непосредственной связи между правящим слоем и народом. Поэтому они подчеркивали необходимость сохранения этой власти в России и в будущем.

С помощью Советской власти, в принципе исключая многопартийную систему, обеспечивается, по их мнению, наиболее соответствующее национальным традициям управление народами и социальными группами в России. «...Создается естественное и органическое выделение из них «правлящих» индивидуумов, которые соотносятся друг с другом сообразно соотношению выделяющих их социальных групп и, не теряя связи с ними, вовлекают их в государственность» [7, с. 197]. Исследуя проблему национального субстрата России, евразийцы отмечали, что на протяжении практически всей истории российского государства, хозяином территории Евразии выступал русский народ.

После распада государства и его последующего объединения большевиками на федеративной основе в виде СССР, все евразийские народы получили равное право на участие в государственных делах и управлении территориями. Создание братской семьи народов Евразии, по мнению князя Трубецкого, соответствовало духу соборности и всеединства Православия и в будущем могло быть изменено только искусственным или насильственным путем.

Стремление какого-либо одного народа стать собственником всей или большей части территории Евразии может, по его мнению, возникнуть лишь как следствие буржуазного национализма и будет иметь негативные послед-

ствия для всех населяющих ее народов. Следовательно, подчеркивал Н.С. Трубецкой, национальным субстратом того государства, которое называется СССР, может быть только вся совокупность народов, населяющих это государство, рассматриваемая как особая многонародная нация и в качестве таковой обладающая своим национализмом.

Эту нацию мы называем евразийской, ее территорию – Евразией, ее национализм – евразийством» [9, с. 500]. Культура народов Евразии противостоит как ее европейскому, так и азиатскому вариантам. Учение евразийцев о культуре тесно связано с их пониманием соборной или симфонической личности. При этом индивидуальность человека состоит не в том, что он отделен от других индивидуумов или от целого, а в том, каким образом он выражает или реализует целое. Если нет целого, то нет и ничего индивидуального, есть просто единичный субъект. Но и целое возможно только через осуществление своих индивидуальных проявлений.

Целое или высшее, таким образом, является единством всего индивидуального. «Поэтому «соборное», – писал Л.П. Карсавин, – не отрицает и не ограничивает индивидуального, как его ограничивает и отрицает «коллективное», т.е. «собранное» или «сборное». Для бытия соборного целого необходимо как выражение его множества, т.е. сферы индивидуального бытия, так и выражение его единства, т.е. взаимная согласованность индивидуумов. Единство индивидуумов вовсе не безличная сфера ценностей и не метафорический субъект. Тогда бы как индивидуум мог лично его выражать, быть личностью? Это единство – не меньшая, а большая, чем индивидуум, личность, однако лично осуществляющая себя только в свободных индивидуальных личностях и их согласовании» [7, с. 177]. Согласование множества субъектов, т.е. установление симфонии, в идеале дает нам всеединство. Народ, поэтому, также не может быть простой суммой классов, сословий, социальных групп, он есть их симфоническое единство. Отсюда культура Евразии выступает соборным единством народных культур, распределенных во времени и пространстве евразийского континента.

Эта культура предполагает существование особого соборного субъекта, в качестве которого, как уже отмечалось, выступает евразийская нация. «Культура, – подчеркивали евразийцы, – не есть случайная совокупность разных элементов и не может быть таковой совокупностью. Культура – ор-

ганическое и специфическое единство, живой организм. Она всегда предполагает существование осуществляющего себя в ней субъекта, особую симфоническую личность. И этот субъект культуры [культуро-личность], как всякая личность, рождается, развивается, умирает.... Весь смысл и пафос наших утверждений сводится к тому, что мы осознаем и провозглашаем существование особой евразийско-русской культуры и особого ее субъекта, как симфонической личности» [6, с. 375-376]. Евразийцы отмечали, что им стыдно за русских людей, которые о существовании собственной культуры узнают от немца Шпенглера.

Поскольку на протяжении последних столетий в России-Евразии господствовала чуждая ей европейская культура, евразийцы сходятся с большевиками в том, что ее необходимо разрушить. Частично евразийцы согласны с ними и в том, что в качестве новой культуры Евразии-СССР должна стать культура низов, поскольку она отражает глубинные традиции русского Православия. Но именно поэтому они категорически не согласны были с тем, что в качестве этой культуры большевики создавали ее социалистический, т.е. атеистический, вариант. Атеистическая культура, по мнению евразийцев, возможна только в качестве лжекультуры.

Своего высшего развития культура, считали евразийцы, может достичь лишь в русской Православной Церкви, которая выступает не только средоточием, но и целью развития всех народов Евразии. «Религиозное единство России-Евразии – в смысле специальной ее религиозной потенции и в смысле наибольшего осуществления этой потенции в Православии русском, – отмечали евразийцы, – должно выразиться и как единая симфоническая культура, в коей руководящее положение принадлежит опять-таки культуре собственно русской. По существу, религия создает и определяет культуру, и культура есть одно из проявлений религии, а не наоборот, ... культурное единство, в свою очередь, сказывается и как единство этнологическое, этнология же культурного целого соответствует его географии. Выясняя ряды этих соответствий, можно защищать тезис, что, как религия создает культуру, так и культура – этнологический тип, а этнологический тип выбирает или находит «свою» территорию и по-своему ее преобразует» [6, с. 371-372].

Единство климатических и географических условий проживания народов Евразии, объединило их в потенциально замкнутую целостность и позволило

монголам в своё время создать империю. Но отсутствие у евразийских народов объединяющего их духовного начала, привело в конечном итоге к распаду Орды. Византийское Православие, развитое на русской почве, оказалось именно той духовной основой, которая создала соборное единство всех народов Евразии. В результате реформ Петра и последующей европеизации России духовное единство ее народов было во многом разрушено.

Большевики предложили собственный, качественно отличный от всех прежних, фактор, выступивший основой нового объединения народов Евразии. В качестве такого объединяющего фактора, доказывал Н.С. Трубецкой, революция выдвинула осуществление известного социального идеала. СССР есть не просто группа отдельных республик, а группа республик социалистических, т.е. стремящихся осуществить один и тот же идеал социального строя, и именно общность идеала объединяет все эти республики в одно целое. И даже если со временем характер этого идеала изменится, все же самый принцип обязательного наличия общего идеала социальной справедливости и общей воленарправленности к этому идеалу должен лежать в основе государственности тех народов и областей, которые ныне объединены в СССР [9, с. 496]. Однако в долговременной перспективе, по мнению Трубецкого, социалистический идеал не может быть основой объединения народов Евразии. Татарам или узбекам, для того чтобы строить социализм, совсем не обязательно быть вместе с русскими в составе одного государства.

Свое отношение к евразийцам Н. Бердяев сформулировал в специально посвященных им статьях: «Евразийцы» (1925 г.) и «Утопический этатизм евразийцев» (1927 г.). Кроме этого оценка евразийства дается Бердяевым и в других его работах.

Основное значение евразийства, по мнению Бердяева, состоит в том, что это по существу первое и «единственное пореволюционное идейное направление, возникшее в эмигрантской среде, и направление очень активное. Все остальные направления, «правые» и «левые», носят дореволюционный характер и потому безнадежно лишены творческой жизни и значения в будущем» [1, с. 293]. Евразийцы защищали честь и достоинство русского народа от поругания, которому он подвергался не только со стороны европейских, но и оказавшихся на Западе русских людей. «Верхний слой русского общества, пораженный революцией, — отмечал Н. Бердяев, — согласен денационализироваться, и перестать считать себя

русским. Такой реакционно-интернационалистической настроенностью слой этот доказывает свою давнюю оторванность от русской почвы и от духовных основ жизни русского народа» [1, с.293]. Евразийцы, подчеркивал Бердяев, сумели увидеть антигуманную, захватническую природу европейского капитализма, особенно четко проявившуюся в мировой войне.

Они справедливо указывали на опасность капитализации России, но понимали ее в основном только в плане европеизации, не замечая, что современный капитализм опасен и для народов Европы. Евразийцы хотели противопоставить Россию и все человечество Европе, но они не понимали, что время существования национально-замкнутых образований ушло в прошлое.

Сегодня все народы живут в едином мировом пространстве, их сближение и объединение неизбежны. Враждебность процессу объединения, замыкание в своих границах может только затормозить развитие народа и сделать его неспособным на равных общаться с соседями. Поэтому опасность для России состоит не в самом объединении Запада с Востоком, а в том, чтобы оно не превратилось в процесс поглощения одного другим.

Московская Русь, для евразийцев – это крещеное татарское царство. «Можно вполне согласиться с тем, – подчеркивал Н. Бердяев, – что татарское иго имело огромное, не только отрицательное, но и положительное значение в русской истории, что оно способствовало выработке в русском народе самостоятельного духовного типа, отличного от западного. Но это отнюдь не ведет еще к татарскому самосознанию, к подмене русской идеи идеей туранской» [1, с. 297]. Евразийцы не понимают, что русские остались именно русскими, а не татарами или туранцами благодаря русской вселенской христианской идее, которая сформировала своеобразно-русский духовный тип человека.

Бердяев подчеркивал, что со многими евразийцами он поддерживал личные связи и контакты. «С евразийцами, – вспоминал Н. Бердяев в «Самопознании», – у меня были личные отношения, и они ко мне относились хорошо, искали во мне поддержку от нападений старой эмиграции... Они примирились с тем, что произошел социальный переворот, и хотели строить новую Россию на новой социальной почве. Это была моя мысль, и я, вероятно, в этом отношении оказал некоторое влияние» [2, с. 259]. Но, несмотря на это влияние по многим, в том числе принципиальным вопросам, между евразийцами и Бердяевым имели место существенные разногласия.

Евразийцы государственники, считали, что совершенное государство должно охватывать все сферы жизни. В своем развитии оно соединяется с Церковью и культурой, формируя подобранный правящий слой и государственную идеологию. Евразийцы называют это идеократией.

В их представлении сильным могло быть только совершенное государство и в этом они, по мнению Бердяева, особенно заблуждались. «На старой земле, – отмечал он, – государство должно быть ограниченным, оно не может быть совершенным, ибо совершенство есть преодоление и отмена государства, и остается в силе правда дуализма, который отражает греховность нашей природы, но вместе с тем охраняет свободу, личность и различие между тем, что есть, и тем, что должно быть. Государство должно быть сильным, но должно знать свои границы... Государство по природе своей ограничено и относительно, оно ограничено в принципе субъективными правами личности и свободой творящего духа, не поддающегося никакой организации. Государственный абсолютизм есть язычество, есть древняя восточная и римская идея» [3, с. 303]. Христианство ограничивает власть государства над духовной сферой.

В своем понимании государства евразийцы сходятся с коммунистами, для которых государство также должно обладать господством в духовной сфере. Поэтому тоталитарный характер Советского государства для евразийцев выступает в целом положительным моментом. «Диктатура партии или правящего слоя, – подчеркивал Н. Бердяев, – который будет носителем истинной идеологии, скопирована евразийцами у коммунистов... Диктатура по существу своему может быть лишь переходным состоянием, а не идеалом политического устройства. В этом отношении евразийская идеология нечиста и слишком насыщена аффектами и эмоциями нашей эпохи. Есть основания думать, что мы идем от диктатуры к диктатуре. Но это не имеет отношения к построению идеального строя общества. Крайний этатизм евразийцев приводит их к своеобразной утопии идеальной диктатуры. В действительности же это есть лишь отражение настроений сегодняшнего дня» [3, с. 304-305].

В стремлении изменить жизнь путем построения совершенного и сильного государства евразийцы фактически порывают с православной славянофильской традицией и, сами того не замечая, становятся на путь европеизации и американизации России. Именно Европе всегда была свойственна любовь к государству, организации и сильной власти. «Евразийцы совершенно

правы, – писал Н. Бердяев, – в своей идеологической борьбе против индивидуализма и формального либерализма, которые разложились и принадлежат отмирающей эпохе» [3, с. 305]. Но они не замечают, что идея сильной власти и диктатуры является ничуть не европейской, чем идея либерализма. Эти идеи не имеют ничего общего с идеологией Москвы как Третьего Рима, в которой сила была в первую очередь следствием духовных начал.

Поэтому, считал Бердяев, в России необходима новая персоналистическая революция, которая призвана освободить человека, создать условия для его целостного развития. Это будет не социальная, а моральная и духовная революция, которая радикально преобразует и одухотворит личность человека. Вместо коллективов, образующихся с помощью организации и порядка, эта революция создаст условия для формирования сообществ людей, объединенных духовной близостью. Личность больше не будут стремиться воспринимать в качестве части общества, поскольку последнее станет ее внутренним миром. Однако, чтобы эта революция стала свершившимся фактом, для нее, по мнению Бердяева, должны быть созданы определенные условия, которых в Советской России пока нет.

Л И Т Е Р А Т У Р А

1. *Бердяев Н.А.* Евразийцы // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
2. *Бердяев Н.А.* Самопознание [Опыт философской автобиографии]. М.: Книга, 1991.
3. *Бердяев Н.А.* Утопический этатизм евразийцев // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
4. *Буйло Б.И.* Судьба России в культурно-исторической концепции Н.А. Бердяева: Монография. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ. 2003.
5. *Буйло Б.И.* Тема России в русской социально-политической и философской мысли конца XIX-XXI вв.: Монография. М.: Юридический институт МИИТа, 2014.
6. Евразийство. Опыт систематического изложения // Пути Евразии. Русская интеллигенция и судьбы России. М.: Русская книга, 1992.

7. *Карсавин Л.П.* Основы политики // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. М.: Наука, 1993.
8. *Трубецкой Н.С.* Об идее-правительнице идеократического государства // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 1999.
9. *Трубецкой Н.С.* Общевразийский национализм // Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф. 1999.

R E F E R E N C E S

1. *Berdyayev N.A.* The Eurasians // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. Moscow: Nauka, 1993.
2. *Berdyayev N.A.* Self-knowledge [Experience of philosophical autobiography]. М.: Книга, 1991.
3. *Berdyayev N.A.* Utopian statism of Eurasians // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. М.: Nauka, 1993.
4. *Builo B.I.* The fate of Russia in the cultural-historical concept of N.A. Berdyayev: Monograph. Rostov-on-Don, 2003.
5. *Builo B.I.* The theme of Russia in the Russian socio-political and philosophical thought of the late XIX-XXI centuries: Monograph. М., 2014.
6. Eurasianism. Experience of systematic presentation // The Ways of Eurasia. Russian intelligentsia and the fate of Russia. Moscow: Russian Book, 1992.
7. *Karsavin L.P.* Fundamentals of politics // Russia between Europe and Asia: Eurasian temptation. Anthology. Moscow: Nauka, 1993.
8. *Trubetskoy N.S.* On the idea-ruler of an ideocratic state // Trubetskoy N.S. The legacy of Genghis Khan. М.: Аграф. 1999.
9. *Trubetskoy N.S.* General Eurasian nationalism // Trubetskoy N.S. The legacy of Genghis Khan. М.: Аграф. 1999.

28 января 2018 г.
